

Следы, которые *не* скрыть

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ВИВИ АСТЕР

18+

Виви Астер

Следы , которые не скрыть

«Автор»

2026

Астер В.

Следы , которые не скрыть / В. Астер — «Автор», 2026

«Следы не спрятать. Даже если ты прячешь их под длинными рукавами. Лею продали, как вещь, и пять лет она училась быть невидимкой: молчать, не смотреть в глаза, не привлекать внимания. Она думала, что самое страшное уже позади. А потом подняла глаза — и увидела его. Дамир. Тот, кого любила без оглядки. Теперь он стоит рядом с её сестрой, улыбается, держит её за руку — и не знает, что каждое его движение убивает Лею заново. Но в этот вечер внутри неё что-то щёлкнуло: Лея перестала прятать взгляд. Не из смелости — из упрямства. Если этот вечер должен её сломать, пусть он хотя бы увидит, как она сопротивляется. Следы, которые не скрыть — история о том, как боль не стирает силу, а закаляет её. Для тех, кто любит сюжеты, бьющие по нервам, и героинь, которые не сдаются, даже когда весь мир против них.»

© Астер В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лея	5
Глава 2 . Лея	9
Глава 3. Лея	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Виви Астер

Следы , которые не скрыть

Глава 1. Лея

Солнце садилось за горизонт, окрашивая волны Чёрного моря в густой алый цвет — будто кто-то пролил на воду краску. Узкие улочки городка, ещё днём шумные и суетливые, теперь будто затаили дыхание. Только лёгкий ветер гулял между домов, шевеля занавески в приоткрытых окнах.

В одном из таких домов, старом, но ухоженном, на подоконнике сидела Лея. Ей было восемнадцать, и вся её жизнь сейчас казалась чем-то хрупким, готовым рассыпаться от одного неловкого движения. Длинные белые волосы, будто сотканные из лунного света, падали ей на плечи. Голубые глаза смотрели вдаль — туда, где на набережной мелькал знакомый силуэт. Дамир.

Он ждал её. Как всегда. Как каждый вечер после уроков. И каждый раз, когда она выходила к нему, мир становился чуть светлее, чуть добрее. Но сегодня всё было иначе. Воздух казался тяжёлым, пропитанным предчувствием беды.

Лея знала: родители уже всё решили. Дмитрий Николаевич, чиновник из городской администрации, сделал предложение. Не ей — её родителям. Предложил деньги, стабильность, «надёжное будущее». Но Лея знала и другое: если она откажется, он не просто отступит. Он ударит по тем, кто ей дороже всего.

Она мечтала о Москве. Хотела учиться, работать, строить свою жизнь рядом с Дамиром. Но её желания никого не интересовали. Даже Милана, её старшая сестра, казалось, была на стороне родителей.

— Просто скажи ему, что всё кончено, — бросила Милана, проходя мимо комнаты Леи. — Не надо тянуть. Ты же знаешь, как они решили. Не порть ему жизнь своими слезами.

— Я не хочу его бросать, — тихо ответила Лея, не поворачиваясь. — Я люблю его.

— А он что, сможет тебя защитить? — голос Миланы звучал жёстко, почти равнодушно. — У него нет ни денег, ни связей. А у тебя есть шанс всё устроить. Подумай о семье.

Лея сжала кулаки, чувствуя, как внутри всё сжимается от боли и несправедливости. Она не понимала, почему Милана так холодна к ней, почему не хочет просто обнять и сказать: «Мы что-нибудь придумаем».

Собравшись с силами, Лея спустилась вниз, вышла на улицу и пошла к набережной. Сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди. Дамир стоял у самой кромки воды, смотрел на закат и улыбался, не подозревая, что сейчас эта улыбка разобьёт ей сердце.

— Привет, — прошептала Лея, подходя ближе.

Дамир обернулся, и его лицо озарилось такой искренней радостью, что Лея едва не заплакала прямо там.

— Ты пришла! Я уже думал, ты не выйдешь сегодня. Что-то случилось? Ты какая-то бледная...

Лея покачала головой, пытаясь удержать слёзы.

— Нет, всё в порядке, — солгала она; голос дрожал. — Просто... я выхожу замуж. И... я люблю его.

— Лея, что ты такое говоришь? — Дамир шагнул ближе и взял её за руку. — Объясни нормально, что случилось?

Лея посмотрела на его тёплые карие глаза, на лёгкую улыбку, на то, как он всегда умел одним прикосновением сделать мир чуть менее страшным. И от этого становилось только больше.

Перед глазами вспыхнуло воспоминание: им лет по двенадцать, они сидят на волнорезе, болтают ногами над водой. Дамир тогда торжественно вручил Лее старый компас: «Держи. Если когда-нибудь потеряешься, он покажет, где я. Я всегда буду там».

— Дамир, — начала она, и голос предательски сорвался, — нам не о чем больше говорить.

— Лея, ещё вчера всё было хорошо. Что случилось сегодня?

— Я... никогда тебя не любила. Что ты можешь мне дать? А он... он даст мне всё.

На секунду вокруг стало слишком тихо. Даже волны будто перестали шуметь.

— Что? — переспросил Дамир, будто не расслышал.

— Прости, — прошептала она, и первая слеза всё-таки скатилась по щеке. — Прости меня. Я не могу... не могу больше притворяться.

Дамир отпустил её руку, и это движение показалось Лее самым страшным в её жизни.

— Ты просто скажи правду. Что происходит? Если твои родители против... мы что-нибудь придумаем. Мы можем уехать, можем...

— Ты меня не слышишь? — резко оборвала она, сама не понимая, откуда в ней взялась эта твёрдость. — Не придумывай ничего. Я просто... я не хочу быть с тобой. Прости.

Слова падали между ними — тяжёлые, острые, как камни. Лея видела, как в его глазах гаснет свет, как он пытается понять, что сделал не так. А она молчала. Потому что знала: если скажет правду, он попытается её спасти. А спасти её сейчас было невозможно. Дмитрий Николаевич уже дал понять: если Лея сбежит с Дамиром или публично отвергнет предложение, он использует свои связи, чтобы сломать жизнь всей её семье. Отца могут уволить, дом — потерять из-за «вновь обнаруженных долгов», а Дамира... Дамира подставят. В этом городе, где у Дмитрия Николаевича все двери открыты, это делается тихо и быстро.

Отец однажды сказал ей об этом тихо, почти шёпотом, будто боялся, что стены подслушают:

— Не спорь, Лея. Он не шутит. Если ты уйдёшь с этим парнем, они сделают так, что мы все окажемся на улице. И он окажется там, где ты его уже не достанешь.

Тогда Лея впервые поняла, что любовь — это не только про «мы вместе». Иногда это про «я делаю больно тому, кого люблю, чтобы его спасти». И от этого хотелось быть.

Я стояла на берегу и смотрела, как уходит Дамир. Его шаги звучали ровно, будто он заставлял себя не бежать, не оборачиваться, не показывать, как ему больно. А мне хотелось крикнуть: «Стой! Я всё придумала! Я солгала!» — но я не кричала. Я сжимала кулаки так, что ногти впились в ладони, и шептала про себя: «Прости. Прости. Прости».

Эти слова должны были стать щитом. Для него.

Ветер трепал волосы, и они липли к мокрым от слёз щекам. Море, которое всегда казалось мне добрым, сегодня выглядело чужим — тяжёлым, тёмным, будто знало то, чего я не хотела признавать: что я только что сломала самое дорогое, что у меня было.

«Я делаю это, чтобы его не тронули», — повторяла я про себя, как заклинание. Но заклинание не работало. Оно не убирало из памяти его взгляд, когда я сказала, что никогда его не любила. Этот взгляд был хуже крика. В нём было не столько обвинение, сколько растерянность: он пытался понять, где ошибся, что сделал не так.

Я перевела взгляд туда, где в окне нашего старого дома темнел силуэт. Милана. Она стояла у окна и смотрела на закат, будто всё происходящее было не про нас, а про какой-то другой, далёкий мир.

Мне хотелось думать, что она просто устала. Что она злится на родителей, на город, на эту жизнь, где всё решают деньги и связи. Хотелось верить, что где-то внутри неё есть та Милана,

которая когда-то прятала меня от грозы под одним одеялом и шептала: «Никто тебя не тронет». Но сейчас я не видела её. Сейчас я видела только ту, которая бросала мне: «Подумай о семье», «Не будь ребёнком», «У него ничего нет».

Иногда мне казалось, что она меня не просто не любит — она меня не выносит. И я не понимала почему. Я старалась быть хорошей сестрой: помогала по дому, не спорила, не просила лишнего. Но каждый раз, когда Дамир появлялся рядом, в её глазах появлялось что-то холодное, почти злое.

Однажды я спросила её:

— Почему ты так смотришь на него? Он ничего плохого не сделал.

Она тогда даже не посмотрела на меня. Просто процедила:

— Потому что он заставляет тебя мечтать. А мечты не платят за электричество.

Я тогда не поняла. А теперь, стоя на берегу, вдруг подумала: а вдруг дело не во мне? Вдруг дело в ней самой? Вдруг она смотрит на Дамира и видит то, чего у неё никогда не было?

Но эта мысль не принесла облегчения. Наоборот, она сделала всё ещё сложнее.

А в это время в доме у окна сидела Милана. Она смотрела на закат, и в её взгляде не было ни сожаления, ни боли. Только холодная, выверенная удовлетворённость.

«Так даже лучше», — думала Милана, и сама себе не лгала: она была рада, что Лее плохо. Рада, что этот нелепый, светлый, вечно витающий в облаках ребёнок наконец-то столкнётся с реальностью.

Милана не любила Лею. И дело было не в том, что младшая сестра была «неправильной» или «слабой». Дело было в Дамире.

Когда-то, лет пять назад, Дамир был её другом. Её опорой в этом городе, где все смотрели на старшую дочь семьи как на ту, кто должна всё тянуть на себе. Милана тогда впервые почувствовала, что кто-то видит её не как «удобную», не как ту, кто всегда поможет, а как человека. И она начала верить, что рядом с ним сможет хотя бы иногда быть просто девушкой, а не старшей сестрой, не хозяйкой дома, не единственной надеждой родителей.

Однажды вечером они сидели на том же волнорезе и смотрели на звёзды. Милана решилась и тихо сказала:

— Знаешь, иногда мне кажется, что я не выдержу. Что я просто упаду, и никто не заметит.

Дамир тогда не стал говорить пустых слов про «ты сильная». Он просто молча снял куртку и накинул ей на плечи, а потом тихо сказал:

— Если упадёшь — я подхвачу.

И Милана поверила.

А потом появилась Лея. Маленькая, смешная, с этими белыми волосами, она бегала по набережной, смеялась, собирала ракушки и как-то незаметно стала центром его внимания. Сначала это было мило: Дамир улыбался, когда Лея что-то рассказывала, помогал ей, шутил. А потом Милана поняла, что для него Лея — не просто младшая сестрёнка той девушки, с которой он дружит. Для него она — особенная.

Однажды Милана увидела, как Дамир заплетает Лее косу. Делал он это неловко, но старательно, а Лея хихикала и говорила: «Ты путаешь пряди!» А Дамир смеялся и отвечал: «Зато я стараюсь».

В тот момент что-то внутри Миланы сломалось. Она развернулась и ушла, не сказав ни слова. А позже, когда Дамир спросил, что не так, она отрезала:

— Ничего. Просто не трогай её. Она ребёнок.

С тех пор между ней и Дамиром повисла неловкость. Он чувствовал, что обидел её, но не понимал чем. А Милана не могла объяснить. Ей было стыдно признаться, что она ревнует к собственной сестре.

Со временем она научилась прятать эту ревность за строгостью. За словами: «Подумай о семье», «Не будь ребёнком», «У него ничего нет». И чем больше она отталкивала Лею, тем легче ей было делать вид, что ей всё равно.

Теперь, глядя на закат, Милана думала: «Пусть выходит замуж. Пусть узнает, что жизнь — это не про красивые слова и не про то, как кто-то заплетает тебе косы. Это про ответственность. Про то, что ты должна делать, даже если тебе больно».

Ей не было жаль Леи. Наоборот, она почти радовалась, что эта красивая сказка младшей сестры рушится. Так она поймёт, что никто не будет стоять рядом и шептать: «Если упадёшь — я подхвачу».

Где-то в другом конце города Дмитрий Николаевич подписывал бумаги. Для него это была сделка. Стабильность, репутация, нужные связи. Он не задумывался, что для Леи «надёжное будущее» звучит как тюрьма.

Я глубоко вдохнула, чувствуя, как холодный воздух царапает горло. Пора было возвращаться домой. Туда, где меня ждали не объятия, а список дел и холодные взгляды. Туда, где никто не спрашивал, как я себя чувствую.

Сделав шаг от берега, я остановилась и тихо прошептала в темноту:

— Прости, Дамир. Прости, что я не смогла придумать другой способ тебя спасти.

И пошла прочь, стараясь не оглядываться. Потому что если бы я оглянулась, я бы побежала за ним. А бежать было нельзя.

Глава 2 . Лея

Лея бежала по берегу, а солёные брызги летели ей в лицо, оседая крошечными искрами на ресницах. Дамир мчался рядом, смеялся — и этот смех был громче ветра, громче волн. Он схватил её за руку, потянул в сторону, и они закружились прямо у кромки воды, будто весь мир сузился до этого пляжа, до этого дня, до их общего дыхания.

— Смотри! — Дамир наклонился, подобрал гладкую ракушку и протянул ей. — Это наша. Пусть хранит всё, что мы сейчас чувствуем.

Лея сжала ракушку в ладони, улыбнулась так, что даже небо будто стало светлее.

— А если она разобьётся? — пошутила она, притворяясь серьёзной.

— Тогда я найду тысячу других, — тут же ответил Дамир, и в его голосе не было ни капли сомнения. — Я вообще всё найду, если это нужно, чтобы ты улыбалась.

Она тихо рассмеялась, уткнулась лбом ему в плечо на секунду — и снова побежала, потому что стоять спокойно казалось преступлением, когда вокруг столько ветра, столько света, столько жизни.

— Знаешь, — Дамир вдруг замедлился, пошёл рядом, не отпуская её руку, — мы скоро поженимся. Вот увидишь. Я всё устрою. Никаких долгих ожиданий, никаких «потом». Хочу, чтобы ты была моей каждый день, начиная с завтрашнего.

Лея подняла на него глаза, и в груди стало так тепло, будто кто-то зажёт маленький, но очень яркий огонь.

— Ты правда так думаешь?

— Я не думаю. Я знаю, — он улыбнулся, легко, уверенно, так, как умеют только те, кто точно знает, чего хочет. — Мы будем жить у моря, но не в этом городке. В каком-нибудь месте, где никто не будет говорить нам, как надо. Где можно просто быть. И смеяться. И оставлять следы на песке, и не бояться, что их смоем.

Лея смотрела на него и верила каждому слову. В тот момент казалось, что будущее — это не туманная даль, а дорога, по которой они уже идут, держась за руки.

А потом она проснулась.

Резко, будто из тёплой воды её выдернули в ледяную тишину. Комната была чужой: тяжёлые шторы, приглушённый свет, запах воска и пыли. Лея села на кровати, сжимая в пальцах простыню, и несколько секунд не могла понять, где она. Потом вспомнила. Всё. Сразу.

Прошло пять лет.

Пять лет Лея жила в одном и том же городе, в одном и том же доме, у одного и того же моря. Но на берег она больше не ходила. Не могла. Там, на набережной, всё ещё жило эхо того вечера — слова, которые она сказала, и шаги Дамира, удаляющиеся в темноту. Море стало для неё не утешением, а напоминанием. О чём-то, что было до. О ком-то, кого она предала.

Теперь её жизнь была здесь. В этом доме. С этим человеком.

Дмитрий Николаевич оказался именно таким, каким его описывали люди, которые знали его ближе, — жестоким. Но Лея поняла это слишком поздно. Не на свадьбе, не на помолвке, не в те дни, когда он приходил к её родителям с подарками и улыбкой, от которой веяло холодом. Она поняла это в первую же брачную ночь.

Память сохранила обрывки, вспышки, как от сломанной лампы. Боль, которая пришла не сразу, а накрыла волной, когда она попыталась оттолкнуть его. Его руку, сжимающую её волосы так, что казалось — кожа на голове треснет. Его голос: «Ты на меня так смотришь? Без любви? Я тебе покажу, как на меня смотреть».

Очнулась она в больнице. Больничный свет был мертвенно-белым, потолок плыл, тело казалось чужим. Голова гудела. Пальцы на правой руке не слушались — позже выяснилось, два перелома. Рёбра ныли при каждом вдохе. Медсестра смотрела на неё с тем выражением, которое Лея научится узнавать потом: жалость, смешанная с привычным равнодушием. В маленьком городке все всё знали. И все молчали.

Тогда Лея впервые решила бежать. Ей было восемнадцать, она была сломана физически, но внутри ещё жила та девочка, которая мечтала о Москве, об институте, о свободе. Она дождалась ночи, вылезла через окно палаты, босая, в больничной сорочке, и побежала. Куда — не знала. Просто прочь. Её нашли через четыре часа. Дмитрий Николаевич подъехал на чёрной машине, вышел, открыл заднюю дверь и коротко сказал:

— Садись. Домой.

Она не села. Тогда двое его людей молча взяли её под руки и усадили за неё.

Дома она попыталась поговорить с матерью. Набрала номер, голос дрожал, слова путались:

— Мама, он меня избил. Он... он сделал со мной... Мама, мне страшно. Помогите мне.

Мать молчала несколько секунд. Потом ответила — спокойно, почти устало, будто речь шла о какой-то мелкой бытовой ссоре:

— Лея, ты ведёшь себя как хрустальная. Мужика удержать ещё надо уметь. Подумай, что ты делаешь не так. Ты ведь знаешь, сколько сил мы вложили, чтобы этот союз состоялся. Это не просто твой муж — это опора всей семьи.

— Но он сломал мне пальцы! — прошептала Лея, и голос её сорвался, хотя она изо всех сил старалась не заплакать. Она знала: слёзы его злили, а теперь она боялась, что и мать разозлится этим проявлением слабости. — Я не могу так жить. Пожалуйста, забери меня. Хоть на время. Хоть к себе.

В трубке повисла короткая пауза, в которой слышался только тихий шум улицы, будто мать стояла у открытого окна и не хотела, чтобы кто-то ещё услышал этот разговор.

— Ты сейчас говоришь глупости, Лея, — сказала мать уже чуть твёрже. — У тебя просто нервы. Ты перенервничала, испугалась. Это бывает. Но нельзя судить мужчину по одному порыву. Он строгий, да. Но он заботится о семье. А ты должна научиться быть мудрее.

— Он не заботится, — тихо сказала Лея, уже понимая, что эти слова не дойдут. Они просто ударятся о стену из привычных оправданий и упадут, никем не услышанные. — Он меня ломает.

— Хватит драматизировать, — резко оборвала мать, и в её голосе впервые прорезалась настоящая усталость, смешанная с раздражением. — Ты сама выбрала этот путь, когда начала вести себя так, будто тебе всё дозволено. Теперь учись жить по правилам. И не звони мне с этим больше. Я не хочу это слушать.

Лея слушала эти слова и чувствовала, как внутри что-то умирает. Не от боли в теле — от боли в груди, там, где ещё недавно билось что-то живое. Она хотела закричать, но вместо этого тихо сказала:

— Хорошо, мама. Прости.

И повесила трубку.

После выписки жизнь Леи обрела свой настоящий ритм. Дмитрий Николаевич бил её регулярно. За неверно поданный ужин, за слишком долгий взгляд в окно, за то, что она молчала, когда он говорил, и за то, что она говорила, когда он хотел тишины. Ночами он приходил в её комнату, и Лея лежала неподвижно, закрыв глаза, считая до ста, до тысячи, до бесконечности, пока всё не заканчивалось. Она научилась не плакать — слёзы его злили. Научилась не кричать — криков он не терпел. Научилась быть пустой.

Пожаловаться ей было некому. Мать верила, что Лея сама виновата. Отец не отвечал на звонки. Милана уехала в Москву — родители оплатили ей престижный вуз, на деньги, полу-

ченные за свадьбу Леи. Лея узнала об этом случайно, подслушав разговор матери с соседкой: мол, Милана устраивается, у неё всё хорошо, вот только Лея не может наладить жизнь. Лея тогда впервые рассмеялась — сухим, страшным смехом, который испугал даже её саму.

За пять лет она пыталась сбежать пятнадцать раз. Каждый раз он находил её. Иногда через несколько часов, иногда через день. Его люди знали каждый угол городка, каждый автобусный маршрут, каждый человек, который мог ей помочь, рано или поздно отворачивался. Город был маленьким, а Дмитрий Николаевич — слишком большим для него.

После каждого побега наказание становилось жёстче. Лея перестала считать синяки. Она перестала надеяться, что однажды кто-то придёт и спасёт её.

Однажды, на второй год её замужества, Милана приезжала домой на каникулы. Лея помнила тот вечер: Милана стояла в коридоре, смотрела на её синяк под глазом — тот самый, который Лея пыталась замазать пудрой, слой за слоем, будто могла стереть не только пятно, а саму реальность. Сестра долго молчала, и в этой тишине было не сочувствие, а холодный расчёт — будто она прикидывала риски, как в деловой переписке: «если расскажу — будет скандал, если промолчу — сохраню статус-кво».

Потом Милана тихо спросила:

— Это он?

Лея опустила глаза и кивнула. Ей хотелось, чтобы сестра просто обняла её. Хотелось услышать: «Я заберу тебя. Мы что-нибудь придумаем». Но в глазах Миланы не было ни слёз, ни ярости — только усталость от того, что эту проблему теперь придётся учитывать.

— Не говори никому, — сказала Милана, и голос её звучал не как просьба, а как инструкция. — Если отец узнает, он с ума сойдёт. А мама... ты знаешь, как она к этому относится. Просто держись. Скоро я закончу учёбу, найду работу, и тогда... тогда мы что-нибудь сделаем.

— Когда «тогда»? — спросила Лея, и в голосе её прорвалась та самая боль, которую она так старательно прятала днём. — Через год? Через пять? А если он убьёт меня до этого?

Милана вздрогнула, будто эти слова ударили её не по сердцу, а по планам — по той аккуратной траектории будущего, которую она выстраивала годами. Она шагнула вперёд, будто хотела обнять, но остановилась в полуметре, так и не коснувшись. И в этом полуметре было всё: и страх, и нежелание испачкаться в чужой беде, и подспудное убеждение, что Лея сама всё это допустила.

— Не говори так, — прошептала она. — Пожалуйста, не говори так. Я... я не могу сейчас ничего сделать. Но я буду стараться. Обещаю.

— Ты уже обещала, — горько сказала Лея и отвернулась. — В прошлый раз ты обещала, что поговоришь с мамой. И что?

— Прости, — тихо ответила Милана, и в этом «прости» не было облегчения — только досада, будто она оправдывалась за то, что вообще дала надежду. — Прости, я правда не знаю, что делать. Но ты подумай: возможно, если приспособиться к такой жизни, она покажется не такой уж и ужасной. Может, ты и правда делаешь что-то не так...

С тех пор они больше не говорили об этом. Милана продолжала учиться, строила свою жизнь, присылала короткие сообщения: «Как ты?», «Всё в порядке?», «Если что — пиши». И Лея отвечала: «Всё хорошо», «Ничего нового», «Не переживай». Эти фразы были не правдой — они были паролем, который позволял обоим делать вид, что ничего не происходит. А потом они и вовсе перестали общаться.

А отец... Отец вообще не задавал вопросов. Когда однажды завели разговор о Лее, он только сухо отрезал:

— Она сделала свой выбор. Пусть теперь живёт с ним. Мы своё дело сделали: устроили её, дали опору. Дальше — её ответственность.

В его голосе не было злости, не было даже равнодушия — была окончательность, как в бухгалтерской проводке: «расход списан, статья закрыта». Для него Лея перестала быть доче-

рю в тот день, когда стала женой Дмитрия Николаевича.. А возможно никогда и не была. Но теперь она была частью сделки, которую не стоило ворошить.

Мать была чуть мягче, но суть оставалась той же: Лея — ошибка, которую пришлось дорого исправить, и теперь оставалось только минимизировать последствия.

И с каждым годом их отношение становилось всё отчётливее: не как к человеку, которому плохо, а как к неудобному факту, который наконец-то удалось вынести за скобки. Как будто, отдав её замуж, они избавились от проблемы. Как будто Лея была не сестрой, не дочерью — а ошибкой молодости, которую удалось «устроить» и больше не вспоминать.

Однажды Лея случайно подслушала разговор матери с подругой:

— Ну, знаешь, с Леей всё сложилось... стабильно. Пусть и не так, как мы хотели, но зато пристроена. А то ведь знаешь, какая она была — воздушная, мечтательная... вечно витала в облаках. Теперь-то повзрослела, поняла, как жизнь устроена.

«Пристроена», — повторила про себя Лея, стоя за дверью. Это слово царапнуло сильнее любого удара. «Пристроена» — как вещь, которую наконец-то нашли куда поставить.

Теперь, глядя на старую фотографию, спрятанную между страниц потрёпанного учебника, Лея вдруг поняла: ни Милана, ни родители не жалели её. Они просто хотели, чтобы её боль перестала быть их проблемой. Чтобы она не мешала их спокойной картине мира.

На фото они втроём: Лея смеётся, Дамир смотрит на неё с той самой теплотой, от которой становилось светлее даже в пасмурный день, а Милана стоит чуть в стороне .

Лея провела пальцем по стеклу, словно пытаясь стереть эту невидимую границу между прошлым и настоящим. И вдруг почувствовала не обиду, а странную, холодную ясность: они не предавали её в один момент. Они отпускали её постепенно, день за днём, оправдываясь тем, что «так лучше», «так правильно», «так надо».

А в доме, который она не считала своим, часы тикали ровно, отсчитывая минуты до его возвращения.

Лея спрятала фотографию обратно, закрыла учебник и встала. Пора было идти вниз — проверить, ровно ли накрыт стол к возвращению Дмитрия Николаевича. Пора было снова стать пустой. Потому что только так можно было выжить.

Глава 3. Лея

Утро началось как обычно. Дмитрий Николаевич сидел за столом на кухне, пил кофе, листал телефон. Лея стояла у плиты, жарила яичницу. Движения были автоматическими — она давно перестала думать о том, что делает. Руки сами знали, сколько соли, когда перевернуть, как поставить тарелку, чтобы не стукнуть ею о стол. Стук он не любил.

Лея молча поставила перед ним тарелку, села напротив. Свой кофе она не пила — желудок давно не принимал ничего по утрам. Она просто сидела, сложив руки на коленях, и ждала. Это стало привычным: ждать, когда он заговорит первым.

— Ты пять лет не можешь мне родить, — произнёс Дмитрий Николаевич, не отрываясь от телефона. — Я хочу детей, Лея. Я, по-твоему, зачем на молодой женился? Я за тебя столько бабок отвалил...

Лея смотрела на него и слушала. Внутри поднималось что-то горячее, привычное — желание закричать, что она этого не просила. Ни денег, ни свадьбы, ни его. Что, может быть, она и смогла бы родить — если бы он не бил её до выкидышей.

Первый выкидыш случился через три месяца после свадьбы. Она даже не знала, что беременна, — узнала уже в больнице, куда он привёз её после очередного избиения. Врач сказал тихо, почти шёпотом: «Была беременность. Небольшой срок. Случился выкидыш». Лея лежала на кушетке и смотрела в потолок, и слёзы не шли. Она не плакала. Она просто лежала и чувствовала, как внутри что-то пустое, что секунду назад было чем-то целым, растворяется без следа.

Второй — через полгода. Тот был тяжелее: она уже знала. Уже успела почувствовать тошноту по утрам, странную тянущую боль внизу живота, и на секунду — всего на секунду — подумала, что, может быть, в этом ребёнке будет хоть что-то живое, что-то её. Но он ударил её ногой в живот за то, что она «не так посмотрела», — и всё закончилось в тот же вечер.

Лея ненавидела Дмитрия. Но дети были и её тоже. Она тяжело это перенесла. Долго лежала в темноте, прижав руки к животу, и шептала слова, которых никто не слышал. А потом — перестала. Перестала оплакивать то, что не успело родиться, перестала надеяться на то, что не должно было родиться в этом доме.

Теперь она была даже рада, что так вышло. Какой жизнью жил бы этот ребёнок? С отцом, который бьёт мать, и матерью, которая не может защитить даже себя?

Всё изменилось после очередной госпитализации. В больничной палате, с зашитой бровью и тупой болью в боку, Лея познакомилась с молодой девушкой-гинекологом. Та пришла на осмотр, увидела старые синяки поверх новых, долго молчала, а потом, не глядя в глаза, тихо спросила:

— Ты хочешь детей от него?

Лея покачала головой. Гинеколог вышла и вернулась с упаковкой противозачаточных. Положила на тумбочку, рядом с сумкой:

— Пей каждый день. Он не узнает. Если что-нибудь случится — приходи. Я всегда здесь.

Имя её Лея запомнила: Ольга. Но произносить вслух боялась. Уже два года Лея принимала таблетки втайне от Дмитрия, прятала упаковку за зеркалом в ванной, запивала водой, когда он уходил на работу. Беременности не наступали. Он считал, что это её «проблема». Она не разубеждала.

— Я буду стараться лучше, — сказала Лея, глядя в стол.

Дмитрий Николаевич наконец поднял глаза от телефона, посмотрел на неё. Лея знала этот взгляд — оценивающий, холодный, как у человека, который проверяет товар на исправность.

— Меня зовут работать в Москву, — произнёс он, и в голосе мелькнуло что-то похожее на удовлетворение. — Думаю, надо соглашаться. Этот городок стал слишком мал для меня.

Лея замерла. Руки под столом сжались в кулаки так, что ногти впились в ладони. Внутри что-то вспыхнуло — яркое, горячее, невозможное: надежда. Она боялась пошевелиться, боялась, что лицо выдаст её, что он увидит блеск в глазах и спросит: «Чему радуешься?» Она опустила голову ещё ниже и заставила себя сказать:

— Пусть всё у тебя сложится. И будет так, как ты заслуживаешь.

Лея давно выучила, что и когда говорить. Каждое слово было выверено, как строчка в сценарии: достаточно покорности, достаточно тепла, недостаточно интереса, чтобы не показаться равнодушной, и недостаточно радости, чтобы не показаться подозрительной. Она говорила то, что он хотел слышать, и молчала обо всём остальном.

— Молодец, девочка.

Дмитрий Николаевич встал, подошёл вплотную. Провёл пальцем по её губе — медленно, будто проверяя, на месте ли она. Каждый раз её выворачивало от этого прикосновения: кожа холодная, сухая, чужая. Она не дёрнулась, не отстранилась. Только ресницы дрогнули.

Он схватил её за руку и бросил на диван. Спинка дивана упёрлась ей в лопатки, потолок поплыл перед глазами. Лея закрыла их. Считала до десяти. Один. Два. Три...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.